

Андрей ГАНИН

Alistair S. Wright, *Revolution and Civil War in North Russia: Karelia and the Murmansk Region, 1917–1920* (London: Bloomsbury Academic, 2025). 237 pp., ill. Bibliography. Index. ISBN: 978-1-3504-3401-1.*

В 2025 г. в издательстве “Блумсбери Академик” вышла небольшая монография Алистера Райта “Революция и Гражданская война в Северной России: Карелия и Мурман, 1917–1920”. Книга посвящена региональному измерению Гражданской войны на Европейском Севере России.

Алистер Райт – независимый исследователь, защитивший диссертацию в Университете Глазго, а рецензируемая работа является его первой монографией. Интерес ученого к этой теме понятен и обусловлен британской интервенцией на Севере России. Свою книгу он позиционирует как первое англоязычное исследование событий Гражданской войны в Карелии и на Мурмане – соседних регионах с дефицитом зерна. Уделяя внимание боевым действиям, он концентрируется на внутренней жизни рассматриваемых регионов с учетом их специфики.

В основе работы – документы 12 архивов, среди которых Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный архив социально-политической истории, Российский государственный архив экономики, Российский государственный военный архив, Государственный архив Мурманской области, Национальный архив Республики Карелия, Архив библиотеки университета Лидс, Имперский военный музей, Национальный архив в Лондоне, архив музея Грин Ховардс, исторический центр Сюррея и историческая библиотека Бентли. Столь обширная и разнообразная документальная основа свидетельствует о значительной научной новизне рецензируемой работы.

Книга построена по хронологическому принципу и начинается с обзора политических событий в Петрозаводске и Мурманске в период с февраля 1917 по март 1918 г., чему посвящена первая глава работы. Военное значение незамерзающего порта в Мурманске резко возросло к началу 1917 г. в связи с открытием движения по Мурманской железной дороге.

С рассматриваемым регионом связано начало военной интервенции Антанты на Севере в

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”.

марте 1918 г. Тогда в Мурманске с эскадренного броненосца “Глори” высадились около 150 британских морских пехотинцев. Решение об этом принималось еще до подписания Брест-Литовского мирного договора, но высадка произошла уже позже. Причины интервенции были связаны с угрозой германского вторжения с территории Финляндии. Как отмечает Райт, в регионе постепенно появились британские, сербские, французские, итальянские, американские и канадские войска, но руководящую роль играли англичане. Немаловажно, что войска союзников высаживались на Мурмане по “Словесному соглашению” с местными властями, предварительно санкционированному телеграммой наркома по иностранным делам Л. Д. Троцкого, то есть Совнаркомом.

В книге показано, что события в Карелии были тесно связаны с Гражданской войной в Финляндии (январь – май 1918 г.), в которой, благодаря поддержке германских войск, победили белые финны, а часть их противников отступила на прилегающие территории Карелии и затем приняла участие в Гражданской войне в России. Финские националисты, исповедовавшие идею Великой Финляндии, предприняли несколько попыток вторжения в Карелию.

Во второй главе автор исследует местную автономию и контроль центра в период с февраля по июнь 1918 г. В это время местные советы на Мурмане и в Карелии совместно с командованием сил Антанты организовывали сопротивление начавшемуся финскому вторжению. Активизировались и немцы. В частности, две германских подводных лодки действовали у побережья Кольского полуострова и топили гражданские суда. Постепенно шло наращивание сил красных, враждебных союзникам и предназначенных оборонять линию Мурманской железной дороги. Так складывались предпосылки будущего противоборства с силами Антанты.

Местные советы исходили из своих представлений о революционной целесообразности. К примеру, Олонецкий совет выступал против привлечения в Красную армию бывших офицеров старой армии, именовавшихся теперь военными специалистами. Выступал он и против продотрядов. Свою политику проводил и Мурманский совет, ориентировавшийся на помощь союзников против немцев и не особенно рассчитывавший на помощь центра.

Перед местными советами стояли сложнейшие внутренние задачи, в частности, снабжение населения продуктами. В совет-

ском лагере наблюдались противоречия между большевиками и левыми эсерами, представленными в местных советах, в том числе по продовольственному вопросу. Автор отмечает, что левые эсеры не претендовали на доминирующую роль в советах, но были готовы корректировать курс большевиков, которым уступали руководство. После разрыва большевиков с левыми эсерами в июле 1918 г. последние должны были удаляться из советских военных и гражданских учреждений. Однако так случилось не везде. В частности, в Олонецкой губернии левые эсеры были представлены в органах власти вплоть до середины ноября 1918 г.

В третьей главе рассматривается союзная интервенция на Мурмане в июне – декабре 1918 г. Важную роль в руководстве антибольшевистским движением на Севере сыграл Союз возрождения России. Лето 1918 г. стало периодом усиления интервенции. В конце июня в Мурманск прибыл бригадный генерал Ч. Мейнард, возглавивший здесь союзные силы. Вместе с ним высадился британский экспедиционный корпус в 500–600 человек. Интересно, что британские войска комплектовались лицами, непригодными по состоянию здоровья для службы во Франции. Не был исключением и сам генерал

Мейнард, признанный врачебной комиссией непригодным к службе, но оставленный служить под поручительство старшего офицера. Несмотря на физическое состояние, британские интервенты почти всегда достигали своих краткосрочных военных целей, чего нельзя сказать о реализации стратегических задач. С самого начала интервенции стали происходить отдельные столкновения интервентов с красными.

В начале августа 1918 г. власть в Архангельске перешла к антибольшевистским силам в результате восстания, синхронизированного с подходом к городу союзной эскадры. Мурманск же объявил о выходе из Советской России еще раньше – 30 июня 1918 г. Снабжение Мурманского берега Кольского полуострова) теперь легло на плечи интервенционистских сил – англичан и американцев. Автор подробно описывает организацию снабжения, объемы которого исчислялись тысячами тонн грузов.

Антибольшевистскими силами на Мурмане также руководили представители союзников, а российские части находились у них в подчинении. Как отмечает автор, генералы Мейнард и Ф. К. Пуль относились к российским партнерам высокомерно. Лишь немногие российские военные и гражданские лица заслужили

положительную оценку британского командования. Серьезно препятствовал взаимодействию и языковой барьер.

Автор дает неоднозначную оценку степени успешности интервенции на Мурмане в 1918 г. С одной стороны, несмотря на немногочисленность и пестрый состав, к концу 1918 г. интервентам удалось удержать контроль над регионом, в первую очередь вдоль линии Мурманской железной дороги, и разоружить значительные силы красных. Этого удалось добиться, не вступая в прямые столкновения, благо красные из Карелии также избегали боев с интервентами под Мурманском. С другой стороны, местное население интервентами было недовольно и не поддерживало их.

Четвертая глава книги посвящена борьбе большевиков за контроль над Карелией в июле – декабре 1918 г. Красные финны к началу октября 1918 г. смогли вытеснить белых финнов в Финляндию. Красные развернули в Карелии интенсивную военную работу. В мае 1918 г. был создан Олонецкий губернский военный комиссариат, в июле появилась сеть уездных военных комиссариатов, а к концу октября – волостные военкоматы. Тем не менее, сельскохозяйственные полевые работы заставили отложить мобилизацию на конец ноября 1918 г.

До этого времени силы красных в регионе состояли из добровольцев, партизан и частей, прибывающих из других регионов (прежде всего, из Петрограда). Прибытие подкреплений усилило влияние большевиков, развернувших широкую партийно-политическую работу. Военный же эффект от новопривывших был незначительный: если силы красных в регионе в августе 1918 г. насчитывали 4500 человек, то в ноябре – 7000, из которых часть находились не на фронте. При этом войска испытывали дефицит различных припасов. Ситуация усугублялась наплывом беженцев, которые нуждались в продовольствии. К примеру, в результате прибытия лиц с занятых интервентами территорий, население Петрозаводска выросло осенью 1918 г. с 16.000 до 45.000 человек.

Борьба за хлеб, создание продотрядов и комбедов вызвали недовольство и восстания крестьян. Для их подавления привлекались силы ЧК. Автор исследует особенности проведения политики красного террора в Карелии, отмечая, что арестованные вскоре освобождались.

Пятая глава освещает военные действия на Мурмане в январе – июне 1919 г., а шестая посвящена мурманскому внутреннему фронту в то же время. В эти

месяцы союзники предприняли успешное наступление на Карелию с севера: достигнув с минимальными потерями Онежского озера, летом и осенью 1919 года они даже подвергли бомбардировке Петрозаводск. Их успехам способствовало вторжение белых финнов в Южную Карелию с запада, а также слабость советских войск в регионе. Как отмечает автор, подконтрольные союзникам и белым районы были слабее заселены, что, с одной стороны, осложняло комплектование антибольшевистских сил, а, с другой, подталкивало к активным действиям для занятия более населенных территорий. Правда, теперь союзникам приходилось снабжать местное население. В 1919 г. снабжение осуществлялось эффективнее, чем годом ранее, однако по мере роста поставок в регионе усиливалась и спекуляция. Помимо местных жителей белые комплектовали свои войска за счет возвращавшихся в Россию военнопленных Первой мировой войны. В результате к середине лета 1919 г. численность войск белых на Мурмане достигла 4.000 человек.

Завершение Первой мировой войны имело решающее значение для судьбы интервенции на

Севере. Отныне основным противником союзных войск на территории России становились не Центральные державы, а большевики. Кроме того, союзное командование столкнулось с необходимостью подавлять сопротивление местного населения.¹ Согласно приказу командующего российскими войсками генерала В. В. Марушевского № 102 от 31 марта 1919 г. сторонникам большевиков разрешался выезд в Советскую Россию. Число желающих выехать оказалось значительным: на Мурмане таких набралось, к примеру, порядка 3000 человек. В отведенный срок выехать смогли не все; те, кто не успел, оказались в заключении на плавучей тюрьме – бывшем линейном корабле “Чесма” (часть заключенных была выслана летом 1919 г.). Снимая ответственность с союзников, автор отмечает, что тюрьма в Иоканьге на северо-восточном побережье Кольского полуострова, печально известная массовой смертностью из-за тяжелых условий содержания, была открыта белыми лишь в конце сентября 1919 г. Там содержалось более 1000 человек, и автор подчеркивает: покидавшие Север союзники не имели отношения к ее созданию. Тем не менее, места лишения свободы на Мур-

¹ Подробнее см.: Д. А. Герасимов. Репрессивная политика белых властей Мурмана в 1918–1920 гг. // Ученые записки МГПУ. Исторические науки. Мурманск, 2009. Вып. 9. С. 70–80.

мане, очевидно, существовали и ранее, и представители Антанты имели к ним непосредственное отношение.

Наконец, седьмая и восьмая главы посвящены борьбе большевиков за выживание в январе – июне 1919 г., а также их победе, хронологически охватывающей период с июля 1919 по март 1920 г. В 1919 г. союзники начали планировать эвакуацию Мурмана до наступления зимы. Соответственно, должно было измениться и стратегическое положение белых, чьи дни на Севере без поддержки Антанты были сочтены. Эвакуация союзников состоялась в октябре 1919 г. Осенью того же года белые попытались провести мобилизацию и на фоне ухода интервентов усилить свои войска, численность которых достигла 50.000 человек (из них на Мурмане – около 5.000, так как большее количество войск экономика региона прокормить не могла). Однако эти действия мало что изменили на фронте, а в тылу лишь вызвали недовольство населения.

Но и в советской Карелии обстановка складывалась не безоблачно для властей. В связи с трудностями в продовольственном вопросе росло недовольство населения. По этой причине, например, в мае 1919 г. произошло антибольшевистское восстание в Заонежье. С другой стороны,

успехи красных на основных фронтах Гражданской войны привели к укреплению их положения и на Севере, в том числе и в продовольственном отношении. После того, как в феврале 1920 г. пал белый Архангельск, судьба белого Мурмана была предопределена. Власть белых в Мурманске оказалась свергнута и перешла к временному исполнительному комитету (глава белой власти В. В. Ермолов был арестован и впоследствии расстрелян в Вологде). Узнав о подобном развитии событий в тылу, войска белых на фронте стали сдаваться или расходиться по домам, тем более, что части РККА перешли в наступление на фронте.

Райт адекватно оценивает место Северного фронта в общей системе фронтов Гражданской войны. Он отмечает малочисленность задействованных здесь сил, контрастирующую с масштабами Юга или Востока России, где оперировали фронты в сотни тысяч человек. На Мурмане в боевых действиях со стороны красных поначалу участвовало не более нескольких сотен человек. Несмотря на близость к “красному” Петрограду, оба региона (Карелия и Мурман), как утверждает автор, длительное время сопротивлялись большевизму. Впрочем, этот вывод не учитывает фактор иностранного вмешательства.

Касаясь взаимоотношений Белого движения и интервентов, автор отмечает: на Мурмане российские генералы фактически подчинялись союзному командованию. Так, генерал Мейнард сомневался в способности белых к самостоятельным наступательным действиям. В книге приводится ряд примеров пренебрежительного отношения представителей Антанты к российским офицерам – как в служебных вопросах, так и в быту. К остальному же населению зачастую относились как к жителям завоеванной страны, что признает и сам автор. Даже командующий белыми войсками генерал В. В. Марушевский характеризовал сложившуюся ситуацию как оккупацию.² При этом, несмотря на материальную зависимость от союзников, администрация во главе с В. В. Ермоловым, по мнению автора, не была марионеточной и пыталась проводить самостоятельную политику (хотя данный тезис заметно диссонирует с приведенными в книге фактами).

К недостаткам рецензируемой работы следует отнести некоторое

упрощение событий. В частности, книга открывается кратким определением Гражданской войны в России как конфликта между большевистскими (“красными”) и антибольшевистскими (“белыми”) силами. Далее вскользь упоминаются “зеленые”, однако не учитывается ни фактор иностранной интервенции, ни роль национальных государственных образований, возникших на территории бывшей Российской империи, ни более сложная партийно-политическая картина эпохи. (Справедливости ради, далее в тексте все же затрагиваются непростые взаимоотношения большевиков и левых эсеров.)

То же касается и историографического обзора, который автор ограничил лишь англоязычной литературой, что весьма странно с учетом наличия колоссальной литературы по теме на русском языке. Хотя в тексте и встречаются ссылки на русскоязычные исследования, в нем не учтены ключевые труды по теме книги, в частности монографии видного историка Гражданской войны на Севере В. И. Голдина.³

² В. В. Марушевский. Год на Севере (август 1918 – август 1919 г.) // Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы / Сост. В. И. Голдин. Архангельск: Правда Севера, 1993. Вып. 1. С. 340.

³ См., напр.: В. И. Голдин. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 – лето 1918. Архангельск: САФУ, 2018; Его же. Север России в огне Гражданской войны. Иностранная интервенция и ее последствия. Август – декабрь 1918 г. Архангельск: Дапринт, 2021; Его же. Анатомия интервенции, или Кто и как развязал Гражданскую войну на Севере России. Москва: Кучково поле, 2024.

Если в отношении союзников автор опирается на архивные материалы, то в описании самих белых он использует преимущественно опубликованные и наиболее известные источники. Это создает не всегда полную картину двусторонних отношений, а в ряде случаев искажает оптику исследователя. В частности, Райт, основываясь на доступных ему источниках личного происхождения, критически отзываясь о подполковнике Л. В. Костанди, утверждая, что тот плохо относился к союзникам (Р. 130). Между тем вне поля зрения автора остались обширные опубликованные в России материалы о деятельности этого офицера, которые позволили бы дать более взвешенную оценку его личности и проследить динамику его отношения к англичанам.⁴

Можно отметить и некоторые частные замечания. Например, в книге встречается некий Царскосельский гусарский полк (Р. 31), между тем, полка с таким названием не было. По-видимому, подразумевается лейб-гвардии гусарский Его Величества полк. Убитый 30 августа 1918 г. председатель Петроградской

ЧК М. С. Урицкий назван не Моисеем, а Михаилом (Р. 106).

Региональная история Гражданской войны и иностранной интервенции представляется чрезвычайно перспективным направлением изучения. В этой связи книга Алистера Райта, несмотря на высказанные замечания, будет интересна как специалистам, так, возможно, и более широкой аудитории – тем более что автор впервые вводит в научный оборот большой объем архивных источников, многие из которых труднодоступны для российских исследователей.

⁴ А. В. Ганин. “Мне за границей не место...” Следственное дело полковника Л. В. Костанди 1920–1921 гг. // Исторический вестник. 2023. Т. 45. С. 188–267; А. С. Кручинин. “Я препровождаю вам знаки ордена” // Военная быль. 1995. № 7 (136). С. 44–49; А. И. Тучков. “Один за всех...” Жизненный путь полковника Костанди // Площадь первоучителей. 2005. № 5. С. 180–191.